

Глава I. Между молотом и наковальней

4 июня 1923 года, в четыре часа пополудни, напротив здания Эскуэла Асило де Сан-Пабло в пригороде столицы Арагона неизвестные лица открывают огонь по автомобилю чёрного цвета с номером 135, зарегистрированному в Сарагосе. Один из тринадцати выстрелов, сделанных нападающими, попал в сердце одного из пассажиров. Жертвой атаки оказался кардинал, архиепископ Сарагосы дон Хуан Сольдевила Ромеро. Новость о смерти прелата ужаснула местные власти и обрадовала бедных людей. Как только прошли первые моменты ступора, полиция начала действовать. Нежелание местных жителей сотрудничать с полицией усложнило следствие. «Эль Эральдо де Арагон» (El Heraldo de Aragón), единственная вечерняя газета города, полностью переделала свою первую страницу. «Беспрецедентное и отвратительное покушение» — таков был заголовок с фотографией тела жертвы на всю страницу.

В Гражданском правительстве царило недоумение. Главный начальник полиции и начальник Гражданской гвардии полностью пали духом и не знали, что им предпринять. Сам губернатор в ожидании приказов из Мадрида всем своим видом показывал полное бездействие, парализующее его сотрудников. К восьми часам вечера были получены две телеграммы: король Альфонсо XIII выражал свои соболезнования, а министр внутренних дел требовал пролить свет на совершённое преступление.

В то же самое время местная Федерация синдикатов от НКТ распространяла по всей столице листовку с угрозами всеобщей забастовки и снятием с себя ответственности за последствия ареста невинных рабочих в связи с обвинением в убийстве. Синдикалисты столицы Арагона, как и власти, не сомкнули глаз. Последние не решились начать репрессии. В то же самое время люди, против которых эти репрессии могли бы быть направлены, не остались ночевать дома из опасений быть арестованными. На следующий день газеты (каждая согласно своей фантазии и вкусу) поведали о покушении. El Heraldo de Aragón считала, что преступление совершено не синдикалистами, а напротив — анархистами. «Ла Аксьон» (La Acción) была более безапелляционной: здесь замешана банда террористов под руководством анархиста Дуррути. За этим следовал нескончаемый список уголовных деяний, совершённых этим «ужасным убийцей». В заключение газета требовала от правительства принять необходимые меры, чтобы покончить с «этим наказанием рока».

В середине XIX века Леон, как и другие столицы испанского плоскогорья, представлял из себя не что иное, как анахроничную картину самой Испании: застойную, клерикальную и монархическую. Старый город разрастался вокруг своего старинного обветшалого собора. Жизнь в Леоне, подобно колесу обозрения, вращалась вокруг этого здания. Сельское хозяйство Леона, как и всей Старой Кастилии, было единственным источником доходов;

леонцы жили в полной зависимости от земли, ожидая небесного благословения для лучших времён. Выпас скота, как и во времена Месты⁴⁴, и примитивное ремесло по выделке кожи и шерстопрядству завершали картину промышленности города с 10-тысячным населением, ориентированным на выживание.

В этой суровой местности родился Буэнавентура Дуррути⁴⁵ — дитя брака Анастасии Думанхе и Сантьяго Дуррути. Второй по счёту ребёнок появился на свет 14 июля 1896 года, в десять часов утра, в доме номер 9 на площади Санта-Ана. Вместе с шестью братьями и сестрой Хосе Буэнавентура рос «жизнерадостным и крепким мальчиком»⁴⁶. Испания переживала трудные времена. Тяжёлый кризис коснулся не только промышленности, но и всех общественных институтов той эпохи. Остатки древней колониальной империи восстали против деспотической власти военных и религиозной верхушки, которые действовали в основном в колониальных странах. Кубинцы под руководством Хосе Марти⁴⁷ подняли бунт против метрополии. Для подавления этого восстания регентша Мария Кристина⁴⁸ приказала своему министру Кановасу дель Кастильо не жалеть жёстких мер для подавления. Посланнику испанской короны генералу Вейлеру был дан конкретный приказ: быстро покончить с мятежом. И он нашёл способ для выполнения задания — превратив весь остров в огромный концентрационный лагерь. Одновременно с Карибским регионом против господства метрополии восставали филиппинцы, в частности против доминиканских монахов, во власти которых находилась экономика островов. Репрессия, в ходе которой был расстрелян поэт-патриот Хосе Рисаль, также отличалась своей жестокостью⁴⁹. На всём Иберийском полуострове царило недовольство. Крестьяне Андалузии, не выдерживая эксплуатации землевладельцев, не прекращали выступать с протестами, иногда более походившими на настоящие классовые войны. Та же атмосфера наблюдалась в горнорудных бассейнах Андалузии и Астурии. Демонстрации и забастовки рабочих в промышленных областях Страны Басков и Каталонии проходили почти непрерывно. Правительство применяло в этих районах жестокие репрессии: тюрьмы наполнились рабочими активистами, частыми были расстрелы. Кульминационный момент 1898 года выразился в потере последних колоний (Куба, Филиппины, Пуэрто-Рико), что повлекло за собой экономический кризис вследствие утраты прибыли от эксплуатации заморских ресурсов и торговли.

Два года спустя, когда кризис достиг апогея, Хосе Буэнавентура Дуррути и его старший брат Сантьяго начали посещать школу на улице Мисерикордиа (Misericordia), которой руководил учитель Мануэль Фернандес. Первый школьный этап длился до восьмилетнего возраста Хосе Буэнавентуры. У нас очень мало сведений об этом времени. Одно из них — краткая характеристика нашего героя, данная его учителем: «Шаловливый мальчик, но благородного характера и очень ласковый». Уже потом, в письме к сестре Розе, Дуррути говорит о своём детстве: «С самого раннего возраста первым, что я увидел вокруг себя, было страдание — не только нашей семьи, но и соседних. В моей душе уже росло сопротивление. Я думаю, ещё тогда определился мой жизненный путь»⁵⁰.

Может быть, это признание Дуррути было связано с одним происшествием, когда мальчику было всего семь лет: оно наверняка сильно поразило детский ум и объясняет, как он говорит, его инстинктивное прозрение. Речь идёт об аресте отца, принимавшего активное участие в забастовке кожевенных ремесленников в Леоне в 1903 году. Эта забастовка

длилась девять месяцев. Она представляла собой первый значимый социальный конфликт в Леоне. Решительность кожевенных рабочих повлекла за собой голод и жёсткие репрессии. Тем не менее рабочий класс одержал своего рода победу, потому что его выступление было первым камнем в здании пролетарской организации этого региона страны.

Точкой отсчёта в пробуждении леонских рабочих послужило событие, произошедшее четыре года назад — в 1899 году, — когда Игнасио Дуррути, дядя Буэнавентуры, основал первую рабочую организацию на улице Бадильо. У нас нет достаточной информации об этой ячейке. Она была построена на основе взаимопомощи и солидарности рабочих кожевенной отрасли, которые раз в месяц собирались для обсуждения своих профессиональных проблем⁵¹.

До 1900 года самым прогрессивным слоем населения Леона являлась небольшая группа интеллектуалов-республиканцев, чья умеренная и податливая на уговоры идеология не была способна напугать местные власти и религиозных лидеров. С начала века благодаря строительству железнодорожной ветки направления Вальядолид – Леон положение вещей несколько изменилось: из этого района и шахтёрской области Леон-Астуриас в город начали поступать первые социалистические и анархические публикации. Знакомство с этими текстами наверняка воодушевило кружок кожевенных ремесленников, друзей Игнасио. Из них стало известно о волнениях по всей Испании, в частности в Бильбао и Барселоне. Первым пунктом в списке требований рабочих стоял восьмичасовой рабочий день, чего уже добились портные Мадрида. Таким образом, логично, что все эти обстоятельства повлияли на сознание кожевенных рабочих, поскольку вскоре они предъявили хозяевам требования по увеличению зарплаты и уменьшению рабочего дня; ведь этот сектор промышленности постоянно развивался, и прибыли возрастали.

До тех пор зарплата для трёх категорий работников отрасли была в размере от 1,25 до 1,75 песеты за полный рабочий день — как говорится, «от рассвета до заката». Рабочие требовали общего увеличения заработка на 50 сантимов и десятичасовой рабочий день. Членам Центрального комитета было поручено объявить работодателям об этих требованиях. Составляли этот руководящий орган Игнасио Дуррути, Сантьяго Дуррути (отец Хосе), Антонио Кинтин и Мельхиор Антон. Хозяева решили, что рабочие запросили слишком много, и тогда те объявили забастовку, имевшую большое значение в силу важности кожевенной отрасли — почти единственной местной индустрии, приостановление действий которой означало парализацию города. Власти ответили репрессиями и арестовали тех, кого сочли подстрекателями бунта. Население рабочих районов с удивлением наблюдало, как почтенные труженики попадали в тюрьму, словно обычные уголовники, и все заявили о своей поддержке заключённых. Народная реакция заставила местные власти задуматься, и, вероятно, сам епископ (согласно народной молве, сторонник репрессий) вмешался, советуя освободить задержанных. Но они всё же провели пятнадцать дней в заключении. Забастовка длилась целых девять месяцев. Ни кредиты местных торговцев забастовщикам, ни солидарность со стороны Лоренсо Дуррути, владельца небольшой закусочной, ни деньги от продажи изделий мастерской Игнасио Дуррути на нужды бастовавших — ничто не смогло победить голод в семьях трудящихся... Тогда и начал убывать бунтарский дух, проявившийся в первые дни забастовки. Забастовщики понемногу отступали и, к большому удовольствию буржуазии, объявили о конце стачки. Тем не менее некоторые рабочие, в том

числе отец Буэнавентуры, предпочли сменить профессию⁵². Когда Дуррути напомнил об этих событиях своей сестре Розе, он отдавал себе отчёт о последствиях упомянутого конфликта для их семьи. До тех пор, несмотря на скудный заработок отца, можно было считать, что их семья жила намного лучше, чем соседи, благодаря поддержке от собственного дела Лоренсо, Педро и Игнасио. Но внезапно их жизнь изменилась: Лоренсо был вынужден закрыть закусную; Игнасио без всяких объяснений исчез из Леона (говорили, что отправился в Америку). Что касается Педро Думанхе, отца жены Сантьяго, то его торговля постепенно сходила на нет из-за нескрываемого бойкота местных влиятельных людей. С той поры планы семьи в отношении образования детей изменились. Поначалу дед Педро строил планы о продолжении обучения Буэнавентуры, с тем чтобы в будущем тот смог возглавить семейное ткацкое дело. Позже, если планы и изменились, то оставалось твёрдым намерение в том, что парень будет продолжать учёбу. Однако мечты не стали явью в связи с нехваткой денег в семейном бюджете (который составлял дневной заработок плотника Сантьяго). С двумя песетами в день невозможно было мечтать о частной школе — ведь, кроме того, нужно было прокормить целую ватагу ребятишек. Именно поэтому родители решили послать своих детей в школу, более подходящую для их социального уровня. Это была школа дона Рикардо Фанхуля.

На втором этапе школьного обучения Буэнавентура не отличался успехами. Напротив, он считался посредственным учеником. Однако был не без способностей. По окончании учёбы учитель Фанхуль написал в табеле с оценками: «Мальчик с живым умом, способен к литературе»⁵³.

Когда ему исполнилось четырнадцать лет, перед семьёй встал вопрос о будущем подростка. Дед Педро, очень любивший Буэнавентуру, настаивал на учёбе в Вальядолиде, обещая платить за всё. Но юноша отказался от предложенного, огорчив этим деда. Парень хотел быть рабочим, как его отец, и выучиться на механика. В 1910 году он начал работать учеником механика в мастерской Мельхиора Мартинеса, который был известен как яростный революционер благодаря чтению в барах на виду у всех газеты El Socialista. Говоря откровенно, социализм Мельхиора Мартинеса был довольно размытым и его последовательность оставляла желать лучшего. Поначалу он был рабочим активистом в Бильбао, а когда состарился, восхищаясь взглядами Пабло Иглесиаса⁵⁴, переехал в Леон. Там он оборудовал небольшую подсобку, более похожую на кузню, чем на механическую мастерскую, в которой обычно собиралась небольшая группа рабочих социалистических взглядов, чтобы обсудить и прокомментировать со стариком Мельхиором успехи и действия Социалистической партии. На те времена Леон достиг кое-какого прогресса в области рабочих организаций. Две из них принадлежали к Всеобщему союзу трудящихся: Союз железнодорожных рабочих и Союз рабочих металлургии. С другой стороны, молодёжь постепенно отдалялась от влияния церкви.

Когда Буэнавентуре было двенадцать лет, он сказал матери, что больше не будет посещать по четвергам уроки религии под руководством местного священника в церкви Санта-Ана. С тех пор он больше не ходил в церковную школу и на следующий год даже отказался от причастия во время церковного празднования Пасхи, что в те времена считалось большим скандалом. Из-за этих событий, и других, последовавших за ними, соседи считали его озорником. Мельхиор Мартинес, до которого дошли слухи о поведении подростка, сразу же

почувствовал симпатию к своему подмастерью и сказал отцу Дуррути: «Сделаю твоего сына хорошим механиком, но и социалистом тоже»⁵⁵. Когда ученик и учитель встретились лицом к лицу, старик на мгновение задумался, а затем приблизил его к горну, взял щипцы и поворошил покрасневшее железо. Потом принялся стучать по наковальне, приговаривая: «Это будет твоя работа: бить по железу, когда оно покраснеет, пока не придашь ему нужную тебе форму. Но не забывай: удары должны наноситься с точностью. Недостаточно быть сильным — нужен ум, чтобы знать, куда нужно нанести удар». Впоследствии он позаботился о культурном развитии подмастерья и посоветовал записаться в вечернюю школу «Лос Амигос дель Паис» (Los Amigos del País — «Друзья Страны»), чтобы пополнить знания⁵⁶.

Буэнавентура проработал в мастерской два года. Там он научился основам механики и идеям социализма. Однажды учитель сказал ему: «Я уже не могу тебя больше научить ничему новому: ни механике, ни социализму», — и Буэнавентуре пришлось сменить мастерскую. Он поступил к Антонио Михе, где обучался сборке механических аппаратов для промывания руды в шахтах. Через год юноша был уже на третьем месте по мастерству, и Михе присвоил ему звание токаря второго разряда. Именно тогда, в апреле 1913 года, он стал членом Союза рабочих металлургии, с билетом номер 12 57. С этого момента жизнь Дуррути как рабочего и синдикалиста шли бок о бок. Его стройная фигура появлялась среди металлургических рабочих, членов Союза. На собраниях он был наблюдателем, очень редко принимая участие в спорах.

В то время теоретиком леонского социализма был Иглесиас Мунис; спустя три года он начнёт издавать первую социалистическую газету в этом городе — «Эль Сосиалиста Леонес» (El Socialista Leonés)⁵⁸. Мунис в основном выступал в роли учителя, и его слова воспринимались слушателями как откровения оракула. В самом начале Буэнавентура подражал другим рабочим, но постепенно стал освобождаться от этого влияния, чтобы самому анализировать проблемы рабочего класса.

В одной из образовательных бесед Иглесиас рассказал о развитии социализма в Испании, подчёркивая победы Социалистической партии на выборах, несмотря на оппозицию рабочих — членов НКТ. Поскольку лектор не дал достаточно полного объяснения, Буэнавентура спросил его о воздержании от голосования со стороны сенетистских рабочих. Ответ был неправильным, и, хотя Буэнавентура не остался доволен разъяснением, он не придавал большого значения этому факту. Именно с этого момента Дуррути начал участвовать в дискуссиях, замечая реакции со стороны руководителей Комитета. Его упрекали в революционном нетерпении и советовали практиковать умеренность. Буэнавентура отвечал на эти призывы так: «Социализм или активен, или это не социализм». А также: «Если мы боремся за освобождение рабочего класса, и оно не может быть достигнуто без яростной борьбы против буржуазии, это означает, что мы не можем остановить наше революционное дело до тех пор, пока не разрушим капиталистическую систему». Руководители приводили доводы политической возможности. Тем не менее Буэнавентура настаивал, что борьба рабочего класса не может быть обусловлена удобными случаями буржуазной политики. В этих условиях споры между Буэнавентурой и лидерами кружка практически не прекращались, но его слова находили отклик в сердцах молодёжи Союза — молодые члены организации, так же, как и он, с нетерпением склонялись к срочным революционным

действиям и восставали против «вечных советов быть умереннее», постоянно утверждавших, «что условия ещё не созрели»⁵⁹. Споры на эти темы продолжались до 1914 года, когда в результате Первой мировой войны экономическое положение Испании изменилось.

Испания занимала нейтральное положение в этом военном конфликте и превратилась в страну, где воюющие стороны стремились приобрести всевозможные товары — как готовые, так и сырьё, — необходимые для тех тяжёлых времён. Испанская буржуазия совершала крупные сделки, ведя торговлю с союзниками и Германией одновременно.

Промышленность, торговля и морской транспорт росли быстрыми темпами. В частности, это касалось металлургической промышленности и добычи ископаемых. В этой связи открывались старые предприятия, и работа на шахтах становилась более интенсивной. Новый ритм производства привёл к увеличению числа рабочих на фабриках и в шахтах; заметно усилилась миграция сельских жителей в промышленные центры. В свою очередь, этот феномен увеличил значение и влияние пролетариата. Барселона — важный центр такой миграции — определила значительное увеличение профсоюзного движения. В Леоне и горнорудном бассейне оживление производства было таким же, как и по всей стране. Шахты работали на полную мощность, и механические мастерские Антонио Михэ утроили свой производственный потенциал. Но и это не помогло им выполнять все заказы. Таким образом, ввиду невозможности обслужить всех желающих рабочие были командированы в шахтёрские центры Матальяна, Понферрада и Ла Робла, чтобы установить там механические аппараты для промывки руды. Буэнавентура был назначен руководителем одной из таких групп — в Матальяна. Для него и двух его товарищей это был долгожданный момент начала контактов со знаменитыми астурийскими шахтёрами. Первые дни, насыщенные трудом, пронеслись незаметно. Тем не менее вскоре работа в шахте приостановилась из-за забастовки, объявленной рабочими, недовольными грубым отношением к ним одного из инженеров. Руководство шахты не приняло требование рабочих уволить инженера. Остальные шахты региона поддержали бастующих — и забастовка стала всеобщей. Буэнавентура заметил, что «если руководство шахты не справляется с отмытием руды, это означает, что ей крайне необходимо, чтобы механики закончили сборку аппаратов. Забастовка не вредит интересам Шахтовой компании, а напротив, идёт ей на руку, так как экономит зарплаты, - до тех пор, пока работают механики. Другими словами, разрешение конфликта зависит от завершения сборки аппаратов. Парализуя нашу работу, мы поставим Компанию перед выбором: удовлетворить требования бастующих рабочих или задержать заказы клиентов».

Управляющие шахты призвали механиков к порядку, напоминая им о контракте, но Буэнавентура ответил, что они не возобновят работу, пока шахта будет бездействовать. Последовали угрозы, но перед лицом твёрдой позиции механиков руководство шахты пошло на уступки, что означало победу шахтёров и перевод инженера на другое место⁶⁰.

Поведение молодых леонцев, особенно «здоровилы» (как обычно называли Буэнавентуру), впечатлило шахтёров, которые после случившегося сблизились с ними и начали называть Дуррути по имени. Так, когда Буэнавентура пишет: «Дуррути — это клич, зародившийся в Астурии», он говорит о реальных событиях⁶¹. Когда монтаж оборудования был закончен, и

парни вернулись в Леон, Буэнавентуру ждал сюрприз. Михé вызвал его в кабинет, чтобы сделать выскание за поведение в шахтёрском районе. Кроме этого, он предупредил Дуррути о том, что Гражданская гвардия наводила о нём справки, и порекомендовал ему усмирить свои порывы, так как «Леон — это тебе не Барселона». В Союзе рабочих металлургии также стало известно о происшествии. Руководители предупредили Дуррути о неприемлемости его поведения. Однако молодёжь встретила его с энтузиазмом, завидуя участию в шахтёрской забастовке.

Его старый учитель Мельхиор Мартинес был немногословен. Он посоветовал ему покинуть Леон, потому что подполковник Гражданской гвардии Хосе Гонсалес Регераль, который фактически был губернатором провинции, и команданте Арлеги не терпели экстремистов. Когда Буэнавентура пришёл домой, его ждал ещё один сюрприз. Его отец, уже очень больной, с радостью поделился новостью с сыном: для него нашли место механика-наладчика в передвижных мастерских Железнодорожной северной компании. Всё это противоречило его планам, но, имея в виду положение семьи, он сделал выбор и принял предложение. Такими были обстоятельства, когда началась знаменитая забастовка августа 1917 года.

Версия #1

Зверобой создал 12 июля 2025 22:38:50

Зверобой обновил 12 июля 2025 22:44:45